

СЕБАСТЬЯН БАРРИ

ВРЕМЯ
СТАРОГО
БОГА

РОМАН

Перевод с английского
Марины Извековой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)
Б25

OLD GOD'S TIME by SEBASTIAN BARRY

Copyright © 2023 by Sebastian Barry

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Опубликовано при содействии Rogers, Coleridge and White Ltd.

Перевод с английского Марины Извековой
Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Себастьян Барри

Б25 Время старого Бога: Роман / Пер. с англ. М. Извековой. — М.: Фантом Пресс, 2024. — 320 с.

Новый роман автора, книги которого дважды становились финалистами премии *Booker*, — это тончайшее кружевное полотно о любви, памяти, горе и давно похороненных секретах.

Полицейский Том Кеттл почти год назад вышел на пенсию и обосновался в съемной квартирке, расположенной в пристройке викторианского замка, с видом на Ирландское море. Долгие месяцы он ни с кем не разговаривал, да почти и не видел никого, разве что мельком — своего эксцентричного домовладельца и нервную молодую мать, недавно вселившуюся в соседнюю квартиру. Жизнь Тома осталась в прошлом, он живет, не различая реальности и воспоминаний — о любимой жене Джун, дочери Винни и сыне Джо. Они приходят ему и в снах, и наяву. Том ничего не ждет, ему достаточно глядеть в окно на пикирующую чайку, пить чай и вспоминать-вспоминать. Но однажды на его пороге объявляется парочка бывших коллег, желающих расспросить о деле десятилетней давности, так и оставшемся нераскрытым, с чем Том не смог смириться. И в настоящее Тома врываются темные завихрения его прошлого, которое он постарался забыть.

Блестяще написанный, идеально выстроенный, завораживающий роман, в котором тайна кроется в каждом абзаце, где все не то, чем кажется поначалу. “Время старого Бога” — о том, что мы пережили, в чем живем сейчас и что будет жить после нас.

ISBN 978-5-86471-974-9

© Марина Извекова, перевод, 2024

© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2024

© «Фантом Пресс», издание, 2024

Посвящается моему сыну Мерлину

Захочет ли единорог служить тебе?

КНИГА ИОВА, 39:9

ГЛАВА

1

Еще в шестидесятых старый мистер Томелти прилепил к своему викторианскому замку несуразную пристройку. Была она небольшая, но с любовью обставленная — в самый раз для пожилого родственника. Деревянная отделка превосходная — одна стена обшита “декоративными панелями”, что отражали солнечные лучи, создавая мягкие, бархатистые переходы света и тени.

Здесь, в каморке с гулкой маленькой спальней и тесной прихожей и “пришвартовался”, по собственному выражению, Том Кеттл, с парой сотен книг, которые так и не удосужился достать из коробок, и двумя винтовками, еще с армейских времен. Книжки помнили о прежних его увлечениях, давно им забытых. История Палестины,

Малайи, старинные ирландские сказания, низвергнутые боги — в какие только дебри не заводило его в былые времена любопытство. Изначально сюда его привлек шорох морских волн под большим окном, но если на то пошло, ему нравилось здесь все — и псевдоготическая архитектура, даже непонятные зубцы на крыше, и солнечный дворик, защищенный с четырех сторон от ветра живой изгородью, и полуразрушенные гранитные волноломы вдоль берега, и суровый остров чуть поодаль, и даже искрошенные сточные трубы, выходившие прямо в море. Глядя в тихие лужицы, оставленные отливом, он переносился на шестьдесят лет назад и вспоминал себя впечатлительным ребенком, а отдаленные крики детей нынешних, играющих в своих невидимых садах, врывались в его воспоминания мучительным отголоском. Да уж, помучить себя он был мастер. Потоки дождя и света, отважные рыбаки, что наперекор стихии ходили на веслах к маленькой каменной пристани, своей опрятностью напоминавшей Нью-Росс, где он служил на заре своей полицейской карьеры, — все трогало ему душу. Даже сейчас, когда зима, казалось, упивалась своей суровостью.

Ему нравилось сидеть в выгоревшем на солнце плетеном кресле посреди гостиной, вытянув ноги в сторону приятного шума моря, с тонкой сигарой в зубах. Наблюдать за бакланами на рос-

сыпи черных камней слева от острова. Живший во флигеле сосед поставил у себя на балконе ружейную стойку и иногда вечерами стрелял по бакланам и чайкам, мирно сидевшим на скалах и далеким от людских страстей. Подбитые птицы валялись, словно игрушечные утки в тире. Тихо, безмятежно — если можно безмятежно падать за смертью. На острове он не был ни разу, но видел летом, как туда добираются на лодках. Гребцы налегают на весла, волны пенятся у бортов. Он там не был, да его и не тянуло, довольно с него и просто смотреть. Смотреть, и все. На то и пенсия, чтобы жить в покое, довольстве и безделье.

В тот февральский день из уютного гнезда его выманил стук в дверь. Он здесь прожил уже девять месяцев, и за все время его ни разу никто не побеспокоил, не считая почтальона, да однажды сам мистер Томелти зашел в огородных лохмотьях и попросил стакан сахара, но у Тома не нашлось. Том страдал диабетом в легкой форме и сахара в доме не держал. А все остальное время он был один в своем королевстве, наедине со своими мыслями. Впрочем, не совсем так — дочь навещала его с десятков раз. Но про Винни уж точно не скажешь, чтобы она его беспокоила, и принимать ее у себя — его отцовский долг. Сын еще ни разу у него не гостил, но дело не в нежелании, а в том, что жил он в Нью-Мексико, у границы с Аризоной, замещал врача в индейском поселке.

Замок свой мистер Томелти поделил на части: конурка Тома, “квартира с гостиной” и, не больше не меньше, “квартира с башней”, где с недавних пор поселилась молодая мать с ребенком — приехали они неожиданно-негаданно, темным зимним вечером незадолго до Рождества, в один из редких снегопадов. С обязанностями хозяина мистер Томелти справлялся на ура. Он был по всем меркам богат — помимо замка под названием Куинстаун ему принадлежал внушительный отель на набережной в Дун-Лэаре* с гордым именем “Герб Томелти”. Но Том чаще видел его в образе старичка-садовника, когда он семеня под окном со своей скрипучей тачкой, точно гном из сказки. Все лето и осень старый мистер Томелти полыл сорняки и отвозил на компостную кучу, росшую день ото дня, и лишь зима положила конец его трудам.

Стук в дверь раздался с новой силой. Затем, для разнообразия, звонок. И снова стук. Том тяжело поднялся с кресла, словно повинуюсь внутреннему зову — или просто из сострадания. Однако в нем шевельнулось смутное недовольство. Представьте, он успел полюбить свое увлекательное безделье и уединение — пожалуй, даже сверх меры, но чувство долга никуда при этом не делось. Шутка ли, сорок лет в полиции.

* Портовый пригород Дублина, соединяет паромной переправой Дублин с Уэльсом.

Сквозь стеклянную дверь темнели два мужских силуэта — вроде бы в черном, но точно не скажешь из-за сумерек да из-за пышного рододендрона позади них, тоже темного. Вот уже несколько недель рододендрон буйно цвел вопреки холоду, ветрам и дождям. Даже сквозь матовую дверь видно было, как гости топчутся на месте, будто знают, что их здесь не ждут. Уж не мормоны ли?

Входная дверь просела на петлях, и нижний край скребся об пол. На кафеле белел некрасивый след в форме веера. Том открыл дверь, та пронзительно скрипнула, и он обомлел: на пороге стояли два молодых детектива из его бывшего отдела. Том был озадачен, слегка встревожен, но узнал он их тут же. Узнал, хоть и не сразу вспомнил имена. А как не узнать? Оба в штатском, но ясно с порога, что никакие они не штатские. По плохо выбритым лицам видно, что встали ни свет ни заря — Том, глядя на них, невольно вспомнил себя молодым полицейским, неискушенным, наивным.

— Как поживаете, мистер Кеттл? — спросил тот, что справа, верзила с усиками, смахивавшими, честно говоря, на гитлеровские. — Вы не против, если мы зайдем — не побеспокоим вас?

— Что вы, что вы, нет-нет, не побеспокоите. — Том постарался, чтобы они не почувствовали фальши. — Заходите. Что-нибудь случилось?

Сколько раз он сам приносил дурные вести в чужие дома — людям, занятым личными делами, погруженным в свою внутреннюю тишину, которую он вынужден был разрушить. Встревоженные лица, потрясенное молчание, иногда безутешный плач.

— Зайдете?

Они уже зашли. В прихожей напомнили свои имена, которые Том подзабыл — верзилу звали Уилсон, второго — О'Кейси; Том тут же вспомнил, и они, как водится, пожаловались на погоду, похвалили его квартиру — “очень уютно”, заметил Уилсон, — и Том пошел заваривать чай на свою “бортовую кухню”. Обстановка здесь и вправду была как на лодке. Том попросил Уилсона зажечь свет, и тот не сразу нашел выключатель. Лампочка хилая, всего сорок ватт — надо бы сменить. Том хотел извиниться за коробки с книгами, но смолчал. Предложил гостям сесть, а потом, отгороженный шторой из бусин, слушал, как они беседуют о работе с бесшабашностью, свойственной людям рискованных профессий. Работа в полиции, она как море, тоже с соленым привкусом опасности. С Томом они держались почтительно, отдавая дань его прежнему рангу и, возможно, его утрате.

За разговором Том, словно в знак почтения силам, что правили этим игрушечным замком, поглядывал в окно, следя за тем, как тьма по кусоч-

ку съедает медно-бурое море. Четыре часа, сумерки — скоро все скроется, лишь слабые огоньки в заливе Кольемор будут серебрить чернильные волны. Скоро оживет в море Маглинский маяк, а еще дальше, на горизонте, загорится мощным светом Кишский маяк, вспахивая своим лучом беспокойный морской простор. Там, на глубине, снуют рыбы, прячутся в темных местах, словно уличная шпана. Интересно, заплывают ли сюда в это время года морские свиньи? Извиваются кольцами во тьме угри, ходят неповоротливые сайды — эти свинцовые туши, попав в сеть, ведут себя с безразличием сдавшихся преступников.

Вскоре чайник и три чашки водружены были на узорный индийский столик, который Том выиграл однажды на турнире по гольфу. Настоящих игроков, Джимми Бенсона и этого, как его там, Маккатчена, скосила эпидемия гриппа, и его скромных талантов хватило для победы. Тот день он всегда вспоминал с улыбкой, однако на этот раз не улыбнулся. Никелированный поднос в свете лампы отливал благородным серебром.

Том чуть смутился, что не может предложить гостям сахара.

Он развернул плетеное кресло, чтобы сесть к ним лицом, и, призвав на помощь бывшее дружелюбие — опасаясь, правда, что растерял его

уже навсегда, — тяжело опустился на скрипучее сиденье и широко улыбнулся. Улыбка отнюдь не сразу засияла во всю прежнюю ширь. Он почему-то побаивался проявлять себя в полную силу — радоваться, быть гостеприимным, радушным.

— Шеф намекнул, что вы сможете помочь в одном деле, — сказал второй, О'Кейси, внешне полная противоположность Уилсону — долговязый и тощий, с той болезненной худобой, из-за которой любая одежда наверняка висит на нем как на вешалке, к отчаянию жены, если он, конечно, женат.

Том, залив кипятком заварку, невольно покачал головой. Когда в семидесятых приехал из Бомбея следователь Рамеш Батт, его будущий друг, и пытался постичь все тонкости работы в ирландской полиции — он так и не смог привыкнуть, что им не положено оружие*, — Том приметил у него это завораживающее движение головой и почему-то перенял, как бесплатное приложение к индийскому столику.

— Да, конечно, — отозвался он, — помочь — это всегда пожалуйста, Флемингу я так и сказал.

Увы, он так и сказал начальнику отдела в последний свой рабочий день, когда уходил с Хар-

* В ирландской полиции оружие есть только у 25% сотрудников (у огневых групп поддержки и у следователей, дослужившихся до звания инспектора).

корт-стрит с адской головной болью после прощальной вечеринки накануне — не из-за похмелья, он был трезвенник, а всего лишь оттого, что до постели он добрался под утро. Опекунша Джун, жены Тома, кошмарная миссис Карр, изводила Тома и Джун, когда их дети были маленькие — требовала, чтобы Джо и Винни в шесть вечера уже лежали в кроватках, и так день за днем, пока им не исполнилось десять. Миссис Карр, старая гримза, была права. Сон — залог здоровья.

— всплыло одно старое дело, и он, шеф то есть, говорит, хорошо бы узнать ваши мысли по этому поводу, — продолжал молодой следователь, — и... ну, вы поняли.

— Вот как? — отозвался Том не без интереса, но с безотчетным сопротивлением, даже страхом, глубинным, нутряным. — Знаете, ребята, если уж начистоту, нет у меня никаких мыслей — во всяком случае, стараюсь от них избавляться.

Оба гостя засмеялись.

— Ясно, — сказал О'Кейси. — Шеф нас предупредил, что вы в этом духе ответите.

— Как там шеф? — поспешил сменить тему Том.

— Слава богу, цветет и пахнет. Неубиваемый.

— Еще бы!

Судя по всему, это был намек на двустороннюю пневмонию, которую шеф перенес после

того, как два бандюги бросили его связанным в поле близ Уиклоу. Нашли беднягу под утро ни живым ни мертвым. Впрочем, то же можно сказать и про бандюг после допроса в участке, прости их Господь.

Том разлил чай и осторожно протянул гостям чашки, крепко держа их крупными неловкими руками, стараясь не пролить ни капли. Уилсон, кажется, искал глазами сахар, но увы, увы.

— Вы издалека приехали, такой путь пределали, все понимаю, но... — начал Том.

Хотел что-то добавить, но слова не шли с языка. Не надо его трогать, вот что хотелось ему сказать. Ни к чему тревожить тех, кто ушел на покой — пусть молодежь шевелит извилинами. Все годы службы он возился с отребьем. Поработал так лет двадцать-тридцать — и твоя вера в людей похоронена, безвременно. А ему снова хотелось верить, хоть во что-нибудь. Хотелось насладиться отпущенными днями, сколько бы их ни осталось. Хотелось покоя, безмятежности. Хотелось...

За окном спикировала чайка — упала камнем, и он, заметив краем глаза белую вспышку, дернулся от неожиданности. В эту пору года, как водится, на закате с моря задувал ветер, обрушиваясь на стены замка, и даже чаек заставлял врасплох. И чайка, озаренная лишь светом из окна, была такая белоснежная, такая незаконная,

словно ее сбросили в море или она сама бросилась, и Том на миг опешил. Но Уилсон и О'Кейси чайку вряд ли заметили, хоть и сидели оба лицом к окну. Видели только, что Том вздрогнул. Том понял, что Уилсон решил сменить тактику — зайти с другого конца, не переть напролом, словно бешеный бык. Недаром его учили в центре подготовки в Феникс-парке: не отпугни свидетеля. Но разве Том свидетель?

Уилсон откинулся в кресле, сделал глоток, потом другой. Видать, не по вкусу ему чай, подумал Том. Полицейские любят покрепче. Любят остывший, перестоявший. Переслащенный.

— И все-таки, — сказал Уилсон, — уютная у вас здесь норка.

— Да. — В голосе Тома по-прежнему сквозил страх. — Что правда, то правда.

Уилсон, похоже, сделал ставку на доверительный тон. Возможно, думает, не спятил ли Том на старости лет. Руки занять было нечем, разве что вытащить ломтики плавленого сыра из пластиковых оберток. О'Кейси осушил свою чашку залпом, как ковбой пьют виски.

— Знаете, — начал Уилсон, — когда у меня мать умерла, а были мы тогда с сестрой совсем маленькие, отец хотел в эти края переехать. Дома в поселке стоили дешево, только вот больницы рядом не было. Ближайшая в Лохлинстауне, а отец работал ночным медбратом, и...

— Старина, — сказал О'Кейси с задушевностью, позволительной лишь близким друзьям, — как жаль, соболезную.

— Ничего, ничего, — отозвался Уилсон великодушно, с чувством. — Мне было тогда одиннадцать. А сестре всего пять. Вот ей тяжело пришлось.

Все, чего добивался Уилсон своей откровенностью, сведено было на нет — лицо его омрачилось, как будто, несмотря на свою удивительную стойкость в одиннадцать лет, только теперь он ощутил скорбь в полной мере, возможно, впервые за все время. Все трое примолкли. За окном было чернее черного. Том представил бочки с мазутом, дорожные работы, вспомнил приятный острый запах. Будь на окне занавески, он бы их задернул, как в фильмах. Вместо этого он включил лампу на маленьком столике, небольшую, коричневую, на тяжелой подставке с кнопкой. Лампа эта выдержала пять или шесть переездов. Когда Джо был совсем маленький и с трудом засыпал, Том ложился на свободную кровать с малышом на груди, и Джо нравилось щелкать выключателем. Том заранее выдерживал шнур, здесь вам не дискотека. Приятно было прижимать к себе малыша, теплого, длинного — Джо всегда был длинный, даже в год, — и вместе с ним потихоньку задремывать. Иногда Джун приходила его будить, а Джо уносила в кроватку. Вроде бы давно было дело, но даже сейчас от этого мягкого щелчка стало хорошо на

душе. Смех, да и только. Вещей у него было не много, зато всеми он дорожил. Том рассмеялся, но не в полную силу, так, хрипловатый смешок — хоть и забавно было вспомнить, все омрачали слова Уилсона. Будто в комнате остался витать дух его умершей матери, ожили бывшие невзгоды его сестры. Интересно, хорошенькая у него сестра? Тоже дурацкая мысль. Ему шестьдесят шесть, куда ему жениться? Да и в жены ему досталась красотка, кто бы спорил. Яркая, смуглая, вроде Джу-ди Гарленд. Что правда, то правда. Но полицейские пропадают на службе и после шести вечера ни на что не годны, кроме пары кружек пива в мужской компании, отсюда их интерес к хорошеньким сестрам коллег — чем черт не шутит? Будто угадав мысли Тома, Уилсон сказал:

— Мать у меня была настоящая красавица. — Голос ровный, ни намека на прежнюю печаль. Быстро же он взял себя в руки.

— А переезжать вы так и не стали? — спросил О'Кейси.

— Нет, остались в Монкстауне*. Так и остались в Монкстауне.

Уилсон не стал уточнять, правильный ли сделали они выбор. Том чуть было не спросил, жив ли его отец, но одернул себя. Зачем ему это знать?

* Пригород Дублина, соседствует с Дун-Лэаре, но находится чуть дальше от моря.

Незачем. Сестра, наверное, замужем. Дай бог, все у нее хорошо. С чего он вдруг о ней думает? Он же ничего о ней не знает. Была у нее красавица-мать, умерла. И сестра, должно быть, тоже красавица. Скорее всего. Ему представилась мать в легком летнем платье, загорелая, но бесплотная, словно призрак. Что ж, теперь она и есть призрак. Том кашлянул и чуть не задохнулся, словно в наказание за недостойные мысли. Он засмеялся, и гости подхватили. И снова все замолчали. Том не знал, за что взяться. Еще чаю им предложить? Или гренки с сыром? Нет, ни к чему. А может, стоило бы? В холодильнике, кажется, завалилось несколько ломтиков бекона. И куриное рагу осталось со вторника, почти наверняка осталось.

Теперь-то они расскажут, что их сюда привело. Причин может быть тысяча, длинный список беззаконий. Том осел в кресле, машинально поднес к губам чашку — чай совсем остыл. Ах, да. Он кивнул Уилсону в знак, что обдумывает его слова. Он и в самом деле обдумывал. Что значит остаться без матери. Это способно убить, но ты должен жить дальше. От лица Уилсона исходило сияние, как будто он в шаге от великой мудрости и его слова сейчас прояснят все, освободят слушателей. Том наблюдал за ним бесстрастным взглядом, усвоенным за годы работы — так объект ни за что не заметит, что за ним следят. Как следователь он всегда ждал, не сболтнет ли чего собесед-

ник. Во время изнуряющего допроса, когда подготавливаемый устанет и начнет падать духом, когда в мозгу его или в сердце забьется чувство вины, тут-то и надо прислушиваться: оговорки, вскользь брошенные фразы — все может, как ни странно, сыграть на руку. Все это дверцы, лазейки к признанию, которое чем дальше, тем желанней. Желанней для виновного, притом что признание станет всего лишь началом его бед. Да! А следовательно, тот жаждет добиться признания — до боли, чуть ли не до разрыва сердца.

Но Уилсон молчал, прямо-таки пылал молчанием, точно свечка тихим огоньком.

— Ну, в Монкстауне ничуть не хуже, — заметил О'Кейси.

— У моей жены тоже мать умерла молодой, — вставил Том задумчиво. — Да и... да и моя тоже — пожалуй. — Он внезапно смутился, потому что на самом деле не знал, только подозревал, даже по-своему надеялся. — Да-да, тяжело это очень.

— Видит Бог, еще как тяжело, — кивнул Уилсон. — Значит, так, мистер Кеттл...

— Том.

Три призрака матерей — или только два? — зависли на миг меж ними в воздухе.

— Том, значит, в кармане у меня отчеты. — Он достал из кармана пальто длинный узкий конверт, для официального документа слишком уж замусоленный, и уставился на грязно-бурую

бумагу, словно в задумчивости разговаривал сам с собой. Том заметил, как он шевелит губами, точно шепчет ответы на исповеди. Уилсон заерзал на жестком стуле, как будто готовясь к атаке, собираясь с силами, но без особого успеха. О'Кейси, тощий, невозмутимый, сидел в неудобной позе, слишком далеко отставив левую ногу, и вид был у него смущенный, словно ему неловко за товарища. По этим мелочам заметно было, что он моложе Уилсона, хоть и ненамного.

— Мне даже стыдно эти отчеты вам показывать, — признался Уилсон. — Стыдно. Грязное это дело.

И тут сердце Тома ухает в пятки. Прямоком в тапочки. Лучше бы он переобулся в ботинки, когда шел открывать дверь — а он не сообразил, и вид у него теперь — пенсионер пенсионером. Что у него с брюками? Он опустил взгляд на свои любимые коричневые штаны — не мешало бы их простирнуть в прачечной самообслуживания. Старая клетчатая рубашка, жилет со следами ужина за последние недели. Зато он хотя бы недавно подстригся в парикмахерской, а это уже кое-что, и брился он исправно каждое утро. За бритьем он, по обычаю, напевал “Долог путь до Типперэри”, а обычаи для него — святое, если они его личные и хоть чуточку в ирландском духе.

Уилсон достал из потрепанного конверта отчеты и протянул Тому. Том уставился на неопрят-

ную стопку — все было ему слишком хорошо знакомо: и пожелтевшая бумага, и отпечатанные страницы, и фотокопии, и чьи-то пространные показания, написанные от руки мрачными черными чернилами. Бюрократия, бич полицейских. У него не было желания брать эти документы в руки, ни малейшего. Конечно, так мяться, как он — это невежливо. Они же совсем мальчишки. Уилсону сорок от силы. Лицо уже потрепанное, над левой бровью небольшой шрам. Может быть, в детстве поранился. У всех у нас есть шрамы с детства, подумал Том.

Уилсон слегка тряхнул стопку в руке, словно приглашая Тома впрячься в этот чертов хомут.

— По правде сказать, мы тут можем повлиять на исход — для этих молодчиков игра окончена.

Тому Кеттлу до смерти хотелось их выпроводить. Не в том дело, что они ему не нравились — наоборот. К ночи разгулялся ветер, слышно было, как он воет за стеной. Только бы не было дождя. У ребят на двоих ни одного зонта. Или они приехали из города на полицейской машине? Дай то Бог. Или им не положено по рангу? Скорее, они добрались поездом от Уэстленд-роу до Долки* и еще пару миль прошли пешком до замка. Может быть, мечтают пропустить по кружке пива

* Приморский городок в 15 км от Дублина, один из самых живописных городов Ирландии.

в гостинице “Остров Долки”. По таким делам, как у них, ближе к ночи не ходят. Может статься, они и вовсе здесь по своему почину, на свой страх и риск. Но они же сказали — Флеминг им поручил. Не пора ли им по домам? Или Флеминг хотел все сделать неофициально? Двое полицейских в темной штатской одежде, и даже издали видно, что не штатские. На ходу примечают богатые дома, задумываются о том, какими путями это богатство приобретено — наверняка преступными. Шагают по узкой опрятной тропке мимо роскошных особняков. Беседуют, а может, молча пробираются вперед. Понимают ли они, какое это счастье, быть молодыми? Вряд ли. И никто не понимает, покуда не станет поздно. Мысль эта отозвалась у него в душе странным чувством, даже слезы на глаза навернулись, ей-богу. Хорошо, если никто не заметил. Чувство это скользнуло в сердце плавно, словно выдра в ручей. Внезапное участие к этим парням, суровым, закаленным, не знающим сомнений. Они четко различают, где добро, а где зло. Ловят преступников, выбивают признания любой ценой. Возвращаются домой к женам и детям. И думают, что жить будут вечно. И во всем-то у них порядок. А в конце — пустота, пустота. Тупик. То есть нет, это у него, дурака, так вышло. Он ее любил всей душой, любил как умел. Кто вообще пойдет замуж за полицейского? И все же отчего-то щемит серд-

це при взгляде на них — на этих ребят, таких славных, бесшабашных, в “нештатском” штатском. Но все-таки скорей бы они ушли, оставили его в покое. Девять месяцев; столько же времени нужно, чтобы выносить ребенка. Никогда в жизни он не был так счастлив. Господи, скорей бы — скорей бы эти двое встали, вежливо простились — а он бы даже уговаривал их посидеть еще, — ступили бы на гравиевую дорожку, предмет забот мистера Томелти, и только их и видели.

— Даже не знаю, считалось ли это в ваши времена преступлением, — заметил О’Кейси — судя по всему, знаток законов, гений кодексов.

Взгляд его словно говорил: спросите у меня что угодно, любой закон, любую статью. Ну же, я жду. Непрошенные слезы Тома ушли, уступив место восхищению. Интеллект — штука притягательная. Свет разума. Он готов был рассмеяться в голос, но ни за что бы не дал себе воли, ни за что. всплыла в памяти одна история об Уилсоне — помнится, тот избил до полусмерти подозреваемого. Хуже, чем избивали шефа, намного хуже. Кажется, его отправили на границу с Ольстером во главе спецотряда. А теперь он, значит, вернулся, Уилсон. Или он что-то путает? Слишком долго прожил в одиночестве?

— Насколько я знаю, не считалось, — добавил О’Кейси.

— Что именно? — нехотя переспросил Том.

— Мы знаем, что вы в шестидесятих от священников здорово натерпелись. То есть, в те времена, когда...

О'Кейси собирался продолжить, но Том его тут же остановил:

— Нет уж, ребята, только не святоши эти чертовы. — И он вскочил с удивительной быстротой и ловкостью. — Ну уж нет.

Выглядело это, должно быть, слегка комично, потому что О'Кейси не выдержал и прыснул, но ему удалось плавно перейти от смеха к словам, да и Том Кеттл был не из обидчивых, знал, что в делах людских почти всегда есть юмор — торчит, словно кинжал.

— Знаем — в общем, Флеминг нам рассказал... Боже, Боже, мистер Кеттл — но, само собой, времена изменились, понимаете?

— Видит Бог... — проронил Том нехотя, “странным сдавленным голоском”, как позже заметит О'Кейси. — Нет хуже страдания. И никто мне помочь не мог.

Вот же черт, сорвалось с языка. Что он вообще сказать хотел? “Никто мне помочь не мог”. Не “мне” он хотел сказать, а “им”. Ради Бога, ребята, ступайте домой. Вы меня тянете неведомо куда. Туда, где скрыто все самое гадкое. Грязная тьма, насилие. Руки священников. Молчание. Подумаешь, Том Кеттл, он все близко к сердцу принимает. Убил бы, так бы и прикончил, прихлоп-

нул, заколол, пристрелил, изувечил, на куски искромсал, и все из-за этого молчания. Лучше бы убил, прикончил. Он ощутил ненависть, жгучую ненависть. Вновь провалился в бездну унижения. Даже спустя столько лет чувства эти живы и оправданы.

И вот он стоит и дрожит. Неужто сейчас его хватит удар? Уилсон и О'Кейси уставились на него разинув рты. Его вновь разобрал смех. Не хотелось бы, чтобы его разбил insult, но он все стерпит, лишь бы их спровадить. О чем он говорил? Черт, ну и ночка! Ветер за окнами так и завывает, не дает спать бакланам на черных холодных камнях. Славные все-таки птицы бакланы. А сосед — убийца, со своей снайперской винтовкой — кажется, “ремингтон”. Совсем не то что старая “лиэнфилд”, которую выдали Тому в Малайе, чтобы стрелять издали по невинным людям. Смерть, будто ниспосланная свыше. А в остальном он, сосед, славный малый. Виолончелист, часами Баха наяривает. Ветер, вволю порезвившись на острове и побесчинствовав над морем, теперь обрушил на зубчатые стены замка соленый дождь ведрами, бассейнами, цистернами. Боже, настоящий ураган! Неужто не уймется?

— Поджарю вам гренки с сыром, — обреченно сказал Том.